

Среди современников наиболее объективную оценку Столыпину дал его коллега по министерству внутренних дел С.Е.Крыжановский. Соглашаясь с тем, что Столыпин не был инициатором многих законодательных актов, проводимых им в жизнь, и большинство из них находил готовыми или улавливал в общественном мнении, Крыжановский подчеркивал, что “блеском своего таланта, обаянием своей личности, умением идеализировать свою деятельность, поднимать идеи на пьедестал... [он] вдохнул жизнь в завещанную прошлым программу устройства России, сумел освоить ее и слить со своей личностью” [Крыжановский Б.г.: 219-220].

Советская историография, как известно, относила Столыпина к “типичным представителям” реакции. Клише “стольпинская реакция”, “стольпинщина” получили в ней статус канонических [см., напр. История СССР 1968; Советская историческая энциклопедия 1971]. Подобные оценки, к сожалению, встречаются и в современной науке, хотя выглядят нелепым анахронизмом.

Последняя по времени политическая биография Столыпина, написанная П.Н.Зыряновым, знаменует явный поворот в подходах и оценках. Но и эта солидная монография, раскрывающая малоизвестные страницы жизни Столыпина, не смогла полностью преодолеть инерцию идеологических установок. Правда, венчает книгу Зырянова вывод: “В наши дни Столыпин возвращается к нам” [Зырянов 1992]. И теперь уже только от нас зависит, что мы увидим поучительного в его деятельности — только ли банальный урок бонапартизма или комплекс конструктивных идей и технологий, проливающих свет на трудности и проблемы современных реформ.

* * *

Деятельность Столыпина пришлась на один из самых сложных периодов в истории России. Начав свою службу в Западном крае, где интеллигенция и бюрократия отличались умеренно либеральными взглядами, Столыпин в 1903 г. был назначен губернатором Саратовской губернии. Противоречия между крестьянами и помещиками доходили там до открытых и трагических столкновений. Подобно большинству губернаторов, Столыпин не стеснялся использовать войска для усмирения восставших крестьян и действовал при этом всегда решительно. Но в отличие от других губернаторов, он стремился понять нужды и помыслы крестьян, толкавшие их на противозаконные выступления, а там, где это было возможно, пытался разрешать конфликты мирными средствами.

Министерство внутренних дел, а затем и Совет министров он возглавил “в заданных условиях”, “в декорациях, подготовленных Витте”. Большинство в только что избранной Думе оказалось за трудовиками, но господствующее положение в ней заняли кадеты, подыгрывавшие в целях повышения собственной популярности трудовикам. Думское большинство, чувствуя себя *полномочным представителем революционного народа*, вступило в открытую конфронтацию с властью. В этих условиях Столыпин проявил себя как политический деятель нового типа. В отличие от председателя Совета министров Горемыкина (для которого Дума была лишь “головной болью”) и своего помощника Крыжановского (увидевшего в ней “собрание дикарей, полных зависти и злобы”), Столыпин понял, что представительная власть становится историческим делом России и с Думой надо работать, несмотря на все трудности. Как министр внутренних дел он выступал с ответами на депутатские запросы, и уже первая его речь в Таврическом дворце произвела на всех весьма сильное впечатление. “Власть не может считаться целью, — заявил Столыпин. — Власть — это средство для охранения жизни, спокойствия и порядка”. Не отрицая фактов злоупотребления властью со стороны полиции, он сумел найти им “человеческое” объяснение. “Существует определенный, пусть и несовершенный, законодательный круг, — говорил Столыпин. — Выход из него может быть только такой: применять существующие законы до создания новых, ограждая всеми способами и по мере сил права и интересы отдельных лиц. Нельзя сказать часовому: у тебя старое кремневое ружье; употребляя его, ты можешь ранить